

Игумен Большого монастыря Алексей (Разумеев)

ИЗ ИСТОРИИ ТИХВИНСКИХ
МОНАСТЫРЕЙ И ХРАМОВ

Игумен Алексей (Разумеев) является одним из немногих представителей тихвинского духовенства довоенной поры, которого не расстреляли или не сослали на многие годы в исправительно-трудовой лагерь. Но и ему пришлось испытать немало страданий, быть лишенному гражданских прав и подвергнутому тюремному заключению. Он умер своей смертью уже после Великой Отечественной войны в небольшом селе Ивановской области, куда уехал из Тихвина в 1929 году после 20 лет жизни в нашем городе. До конца своих дней он верой и правдой служил Богу и людям.

Роман Данилович Разумеев, так звали в миру будущего игумена Алексея, происходил не из духовного сословия, а был сыном малоземельного крестьянина Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Родился он 24 сентября 1881 г. в деревне Столопово, которая находилась в 3-х километрах от Николо-Теребенской пустыни, славившейся чудотворной Теребенской иконой Божией Матери, чудотворной иконой святителя Николая и подземной церковью преподобного Александра Свирского. Близость к таким святыням не могла не отразиться благотворно на духовном становлении будущего игумена.

Как и все крестьянские дети, Роман с ранних лет помогал родителям в домашнем хозяйстве и в поле, а в 19-летнем возрасте «из-за малоземелья» вынужден был покинуть отчий дом.

В Тихвинский Большой монастырь он поступил в возрасте 28 лет. За плечами были случайные заработки, военная служба, участие в русско-японской войне 1904-1905 гг., труд по найму – достаточный жизненный опыт для того, чтобы принимать осознанное решение об определении дальнейшей судьбы. Роман избрал отречение от мира и путь духовного совершенствования.

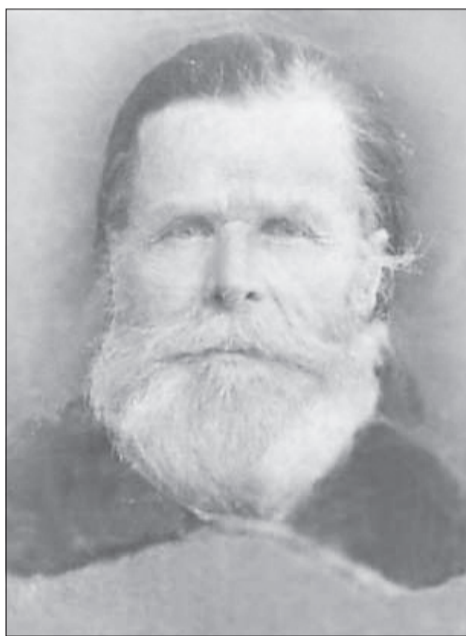
29 мая 1909 г. – первый день его пребывания в обители, настоятелем которой в то время был архимандрит Иоанникий (Мальцев). Около пяти лет Роман трудился в монастыре «во славу Божию», привыкал к монастырской жизни, распорядку дня и правилам. Сначала был трудником, затем – послушником. 29 марта 1914 г. он был пострижен в монашество с наречением ему нового имени Алексей.

После Октябрьской революции для Большого монастыря, как и для всех российских обителей, настали трудные времена. В 1919 г. монаха Алексея призвали в тыловое ополчение, призыву в которое подлежали все «нетрудовые элементы» – кулаки, духовенство, бывшие дворяне и т.д. В годы гражданской войны оружие им в руки не давали, а использовали в качестве рабочей силы на различных строительных работах военного и гражданского характера. В 1920 г. о. Алексея освободили от этой повинности по состоянию здоровья, и он вернулся в обитель. В клировой ведомости Успенского монастыря за 1920 г. он числится уже иеромонахом. Видимо, он показал себя умелым хозяйственником, потому что ему была доверена монастырская казна.

Следующий раз мы встречаем его имя в документах за июнь 1923 г., когда сторонникам патриаршей Церкви удалось отстоять от обновленцев три храма обители – Успенский собор, Покровскую церковь и церковь «Крылечко» и зарегистрировать общину «Древне-канонической Церкви при Большом Тихвинском монастыре». Тогда товарищ председателя, казначей общины иеромонах Алексей (Разумеев) вошел в состав ее президиума наряду с архимандритом Антонием и пятью мирянами.

11 ноября 1923 г. архимандрит Антоний (Демянский) был рукоположен Патриархом Московским и вся России Тихоном во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии, с оставлением в должности настоятеля Тихвинского Большого монастыря. Видимо, тогда же или чуть позже иеромонах Алексей (Разумеев) был возведен в сан игумена. Как известно, до Октябрьской революции и в первые послереволюционные годы сан игумена не являлся наградой для монашеского духовенства, как это практиковалось потом в советский период, а связывался с непосредственным управлением монастырем. Поэтому есть все основания предполагать, что игумен Алексей был наместником Тихвинского Большого монастыря до момента его окончательной передачи обновленцам в сентябре 1924 г.

31 июля 1924 г. президиум Череповецкого губисполкома признал недействительным договор с общиной патриаршей Церкви, со-

Игумен Алексей (Разумеев).

вершение религиозных обрядов в храмах монастыря было запрещено, а церкви и церковное имущество были переданы под охрану Тихвинского уездного исполкома.

1 сентября 1924 г., в связи с расторжением договоров с общинами патриаршей Церкви, местные власти приступили к опечатыванию храмов Успенской обители: Успенского собора, Покровской церкви и церкви «Крылечко». 9 сентября религиозная община «Древне-канонической Церкви при Большом Тихвинском монастыре», членом президиума которой был игумен Алексей, планировала провести собрание, чтобы обсудить создавшееся положение и выработать программу дальнейших действий. Но местная власть сделать этого не разрешила, объявив, что уже утверждена новая обновленческая община.

Обновленцы добились ее регистрации обманным путем. По словам историка И.П. Мордвинова, поп-обновленец Леонид Борисов вместе со своим помощником обошли горожан, преимущественно верующих женщин, и уговорили их подписать бумагу – якобы просьбу о том, чтобы «распечатали Богородицу» (то есть разрешили верующим свободный доступ к чудотворной Тихвинской иконе Божией Матери, находившейся на тот момент в опечатанном Успенском соборе). Так ему удалось собрать 75 подписей. «Бумага оказалась заявлением об учреждении при монастыре нового коллектива с Борисовым во главе. Послали ее в Череповец – и там новый коллектив утвердили».

На 11 сентября была запланирована передача храмов монастыря новой общине. Самым страшным и неприемлемым для православного населения города было то, что обновленцам отдавалась величайшая святыня – Тихвинская икона Божией Матери. Верующие оказали сопротивление, в котором монашеские, видимо, сыграли тоже не последнюю роль. Прихожане, собравшиеся перед церковью «Крылечко», не хотели пускать в храм обновленческих священников Леонида Борисова и Иоанна Мальцева, представившегося членом Синода. Возникла настоятельная потасовка, в ходе которой обоих священников избили. Разогнать протестующих в тот день удалось только силами воинских частей Тихвинского гарнизона.

Из заявления Леонида Борисова, поданного на имя уполномоченного ГО ОГПУ по Тихвинскому уезду, в котором он описывает подготовку «бунта», следует, что его и Иоанна Мальцева, пришедших в монастырь «с портфелями», увидел игумен Алексей. И, как написал Л.Борисов, «по слухам», почти сразу же после этого «монахи бежали по Фишевой горе и Стретилу и кричали: бегите, православные, защищать Царицу Небесную,

Дом, в котором жил игумен Алексей.

**Мать игумена Алексея
Татьяна Карпова. 1914 год.**

бейте еретиков... и вот в какой-нибудь один час собралась такая толпа».

Один из иеромонахов, ставший впоследствии обновленческим архимандритом, на допросе показал, что за несколько дней до беспорядков, совершившихся 11 сентября, у епископа Антония по вечерам ежедневно собирались собрания группы верующих, монашеских и мирян, в числе которых был также игумен Алексей. Собравшиеся якобы совещались до глубокой ночи и по окончании собрания «расходились разными ходами, кто куда». По его словам, игумен Алексей был близок к епископу Антонию (Демянскому): «Из монахов Разумеев и Дмитриев одни взглядов с Демянским, и они являлись его приближенными лицами только по той причине, что пропитались духом «царя-батюшки», которого ждали с нетерпением, проклиная совласть, отнявшую от них удовольствия прежней монашеской жизни».

Властями сопротивление верующих было названо подготовленным собранием контрреволюционного характера. Начались аресты. 16 сентября епископ Антоний сообщил тихвинскому историку и краеведу И.П. Мордвинову, что несколько монахов арестованы и посажены в тюрьму, а других таскают в ГПУ на допросы. Среди тех, кого «таскали на допросы», был и игумен Алексей. В ночь на 20 сентября арестовали самого епископа Антония и еще около 20 человек и всех увезли в Череповец.

До последнего времени считалось, что игумену Алексею удалось избежать приговора ввиду недостатка у властей компрометирующего материала. Но это не так. За участие в беспорядках он был осужден на 2 года лишения свободы со строгой изоляцией. Срок отбывания наказания начался 25 октября 1924 г. Местом заключения был определен Тихвинский исправтруддом, режим в котором основывался на обязательном труде заключенных и культурно-просветительской работе. В исправтруддоме был и изолятор, который находился на первом этаже под лестницей. Возможно, именно в нем содержались классовые враги и особо опасные преступники, приговоренные к лишению свободы со строгой изоляцией, к которым был причислен и игумен Алексей.

Тихвинский исправтруддом (ИТД) находился на территории все еще действующего на тот момент Введенского женского монастыря и был отгорожен от обители высоким сплошным забором. В ноябре 1924 г., когда в нем находился в заключении игумен Алексей, число заключенных превышало штатную вместимость почти в два раза. Вместо положенных 60 там находились 102 человека. Условия содержания были ужасными. Паек,

**Игумен Алексей с отцом.
Тихвин.**

который получали заключенные, был более чем скудным.

Вместе с тем предполагалось, что исправтруддом – это не только место лишения свободы, но и воспитания нового человека, то при нем были библиотека с литературой (в основном политического характера) и клуб, на сцене которого стояли рояль и оркестрион и силами заключенных ставились спектакли. Содержавшимся в неволе была предоставлена возможность обучаться в школе I и II ступени. Во всяком случае, такие сведения от администрации ИТД получил губернский прокурор.

Срок заключения игумена Алексея должен был закончиться 25 октября 1926 г., но, как следует из его автобиографии, его освободили в 1926 г. досрочно. Он продолжал жить в Тихвине и служить в одном из еще действующих храмов. В списках граждан города, продолжавших быть лишенными избирательных прав в 1928 и 1929 гг., он числится как священник.

В 1929 г. с разрешения Ленинградского епархиального начальства он перешел в Ивановскую епархию. Известно, что с 1931 по 1945 г. игумен Алексей служил в храме Воскресения Словущего в селе Ермолино Ивановской области, где о нем сохранилась память как о замечательном пастыре-молитвеннике. В период лихолетья он спас Ермолинский храм от закрытия и разорения, что, несомненно, является одним из зримых плодов его духовного подвига.

Во время Великой Отечественной войны, в 1943 г., в ответ на призыв Патриаршего местоблюстителя Сергия игумен Алексей вместе с общиной Воскресенского храма собрал 36000 рублей на танковую колонну Дмитрия Донского, а также теплых вещей для солдат на 10000 рублей.

Скончался он 14 мая 1948 г. Прах его покоится на сельском Ермолинском кладбище.

Поскольку храм, в котором служил игумен Алексей, в советское время не закрывался, то в нем сохранился небольшой разрозненный архив. В этом архиве и обнаружили несколько фотографий игумена Алексея и его родителей, а также его автобиографию.

В 1994 г. при храме Воскресения Словущего в Ермолино была зарегистрирована монашеская община, а место ее нахождения стало именоваться Ермолинской пустыней. В апреле 1998 г. Святейший Патриарх Алексей II и Святейший Синод утвердили в Ермолинской пустыни Свято-Воскресенский мужской монастырь.

Светлана Старшина.